

некую реальность, наделявшую егеря прочным удовлетворением сродни физиологическому счастью ...егерь не переставал вырабатывать из себя довольное урчание, отзываясь утробным этим смешком на каждое малое препятствие... смешком он как бы отмахивался от малости путевых невзгод, столь ничтожных перед полководьем захлестнувшего его счастья; и др.³

Итак, приведенные примеры показывают один из способов (по контрасту) развертывания общеязыковой (актуальной или потенциальной) коннотативной модальности, обрамляющей лексическое значение, в эстетически нагруженный подтекст. Исследование эксплицированных в пределах художественного текста субъективных эмотивно-оценочных характеристик, представляющих собой в «свернутом» виде коннотации как макрокомпонент лексического значения, позволяет расширить лингвистические представления о прагматически значимых единицах языка, о его функционально-эстетических потенциях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Караулов Ю. Н., Молчанов В. И. и др. Русский семантический словарь. М., 1982.
2. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1993

С. П. ПЕТРУНИНА
Новокузнецкий пединститут

ПАРОНИМИЧЕСКИЕ ОГОВОРКИ В ДИАЛЕКТЕ

Описываются закономерности взаимозамены в контексте близкозвучащих слов, не имеющих семантического сходства, разграничиваются случаи паронимической оговорки и намеренной языковой игры, основанной на использовании паронимов.

Употребление паронимов нередко связано с речевыми ошибками. Говорящий их или не замечает и поэтому не исправляет, или, наоборот, замечает и правит свою речь. В первом случае

³ Ср. эстетическую коннотативную модальность прилагательного *счастливым* в повести Нагибина «Дорожное происшествие»: *А тебе легче, что ты не знаешь? — Легче. Старик встал и пошел — это я видел. Что было с ним дальше — не знаю. — Знаешь: он скоропостижно умер. — Ежедневно скоропостижно умирают сотни, тысячи людей. Все! Я не могу тратить на это остаток жизни. — Ты счастливый человек. Все вы счастливые люди.* Здесь счастливыми названы люди, которых не мучают угрызения совести за совершенное ими преступление.

имеет место реализация одного из словарных паронимов, объединяемых семантической общностью, которая вместе с формальным сходством «рождает» не замечаемую говорящим ошибку. Например: *Я представлю (вместо предоставлю) тебе слово потом; Можно я одену (вместо надену) пальто?* (из разговорной речи).

Во втором случае речь идет о функционировании паронимических пар, не имеющих семантического сходства. Семантическое различие близкозвучающих слов заставляет говорящего исправлять ошибку. Появляется паронимическая оговорка «афазийного» характера, когда вместо *мыло* говорят *шило* и правят речь при помощи конструкции, омонимичной пояснительной «А, то есть Б»: *Я и обуток почию // Нитки скручу / шилом, / то есть мылом натру / тыкаю и шью //* (из диалектной речи).

Непреднамеренность паронимических оговорок отличает их от случаев языковой игры (контекстных паронимов, паронимии как стилистического приема, паронимической аттракции), которые имеют преднамеренный (в целях достижения стилистического эффекта) характер. Например: *Наш девиз — четкость и чуткость; Истина рождается в споре, а не в ссоре; Цену бра л, а вернее дра л такую, что у покупателей от сладкого меда становилось горько во рту* [3]. «В контекстных паронимах,— отмечает Н. А. Янко-Триницкая,— задано семантическое различие, а ищется или устанавливается семантическое сходство, семантические ассоциации, причем это возможно только при столкновении подобных слов в одном тексте» [9, с. 98].

Собственно говоря, контекстные паронимы — это тоже оговорки, но преднамеренного характера, коррелирующие с одним из значений энантиосемичной лексемы: *оговорка* в толковых словарях — это — «1. Замечание, ограничивающее или исправляющее (целенаправленно.— С. П.) то, что сказано; 2. Ошибка в речи, нечаянно сказанное слово».

Если контекстные паронимы свойственны как письменной (язык художественной литературы, некоторые жанры кодифицированного литературного языка), так и устной (разговорная речь носителей литературного языка) формам речи, то паронимические оговорки непреднамеренного характера — принадлежность устной (обязательно спонтанной) речи. Частота их появления в речи находится в прямой зависимости от возрастного и социального факторов, от степени образованности говорящего. В связи со сказанным отмечаем, что диалектная речь, а именно речь пожилых неграмотных или малограмотных крестьян, изобилует паронимическими оговорками.

Специфика паронимических оговорок и в том, что они, в отличие от контекстных паронимов, ограничивают сферу своего функционирования одной конструкцией — омонимичной пояснительной. В ней так же, как в пояснительной конструкции, есть первый и второй члены ряда, позицию которых следует признать

«жесткой», закрепленной, есть особый показатель правки — релятив *то есть*, который стоит при втором члене ряда и омонимичен пояснительному союзу¹. *То есть* в оговорках лишен связующей функции, это сигнал хезитации, ошибочности первой номинации [4]. Например: *Ребенки / то есть пеленки в Томске как-то дают еще беременным // А у нас кто как сам сможет //; З р а ч к и / з н а ч к и эти то есть / они от Лени остались // До армии собирал //; А кто ее сласть / власть-то есть не любит //*².

Регулярное употребление диалектоносителями *то есть* в оговорках приводит к необходимости пересмотреть выводы исследователей диалекта об отсутствии в нем этого книжного по своему происхождению союза³.

Кроме *то есть*, сигналом ошибочности номинации в говоре служит группа междометий: *ой, ай, тьфу, фу, ты*, выражение как *его(ее)*. Приведем примеры:

Ой: Там у вас в Томске л у н у / ой ю л у не продают//; Собирай мать девок // Я вас перебросу на тот берег на т у е с к е / ой / о б л а с к е // Вон там / ягоды //; Г л ы б а / ой / р ы б а эта карась большущий вот такой // Он у мене в подполье жил //;

Ай: Сначала к р ю ч о ч к и / ай к р у ж о ч к и вывяжу // Потом к ей [салфетке] метелочки привязываю //; З в о н о к / ай з а м о к в гараже кой-то ковырял //; Ты [Внуку, вставшему после сна] чесанись // Волоса-тка з а л и з а л / ай з а л е ж а л На гребешок //;

ТЬфу: Вон Прудниковы живут // Чего только нет // Ка б и н е т / тьфу / т у в а л е т / и тот плиткой заделат // Туды вон поставь к и с к у // тьфу // м и с к у //; Г л а з а [у внучки] ужо с минусами / а все читат эти ф и г и / тьфу к н и г и //;

Фу: В о д у / фу с о д у побросаю пошкрябаю [дно кастрюли, если в ней пригорит пицца] // Али золу ишо //; Хоть че // м о н е т о к / фу // к о н ф е т о к куплю каких / иль пряники / пирожки напеку любят //; С е д л о / фу в е д р о поставил / выпил враз / Во как коня загнал //;

Фу ты: Нынче-то я землицу добавила о б р а т / фу ты / ф о с ф а т / еще что мне там сказали / Землица-то уже выработалась //; Н р а в / фу ты ш к а ф ей не нравится // За стенкой какой-то гонятся //; К а л а ч и / дак это прямо на х о д // фу ты // на п о д // Таку сделают метелку / из сосны // Помело называется // и этим мелом там выметут золу-то сметут в одну сторону / а там хлебушко насадят //;

¹ За рамками настоящей статьи оставляем вопрос о тождестве служебного слова.

² Материалом для исследования здесь и далее послужили магнитофонные записи диалектной речи, сделанные автором в деревнях Томской области и представляющие диалект особого типа, который называется — по локалу своего распространения — среднеобским. Его характеристику см. в [5].

³ В имеющихся словарях Среднего Приобья *то есть* отсутствует. См., напр.: [2; 6; 7; 8].

Как его (ее): С о л ь / как его / м о л ь втору доху пощелкал //; А бьет ее [жену] почем зря // Уж стала как день / как его / т е н ь ю ходит / дни считает // Уж лучше к богу //; Т а й г а / как ее / п у р г а встрелула их // Вот и нету день / другой //.

Вводно-модальные *вернее, точнее* — показатели хезитации, частые в речи носителей литературного языка, в диалектной речи практически не встречаются.

На правочном шве диалектных паронимических оговорок могут являться неканонические элементы *м-м, э-э, э-м* и др.: *Белянки / это грибы вот // Они мы их вымачиваем от г о р е с т и // э-м // от г о р е ч и //; Это были вот трудные г о л о д а // э-э / г о д а // Не хватало хлебушка // Дак одну рыбу [ели]. //.*

И наконец, сигналом оговорки может быть особая интонация хезитации. Например: *Вот эти п о ч к и // т о ч к и [показывает на грудь] во мне болят // Как спицами кто пыряет //.*

Отметим, что возникновение паронимической пары в оговорке чаще мотивировано, чем наоборот. Появление первого компонента пары обусловлено, как правило, контекстными или ситуативными семантическими связями, ассоциациями.

Затронутая нами проблема ошибочности речи не проста и относиться к ней можно по-разному. Ведь «при желании в речи можно найти все, что угодно. <...> В этой связи возникает вопрос, где предел явлений, которые должны интересовать грамматиста. По-видимому, для определения границ разговорной грамматики пока целесообразно фиксировать (разрядка моя.— С. П.) все реально встречающееся, чтобы с получением полной картины можно было бы впоследствии что-то квалифицировать как косноязычное, нежелательное, ошибочное, и что-то как допустимое и терпимое» [1, с. 145—146].

Фиксация и изучение паронимических оговорок, думается, дают новый материал к осмыслению ряда проблемных — общих и частных — вопросов лингвистической теории: организация понятийного поля ошибочности, типология паронимов, структура повтора, в частности фонетического (*шило, то есть мыло; луна, то есть юла*), омонимия синтаксических конструкций, омонимия / многозначность служебных слов. И, наконец, изучение речевого балласта позволяет обнаружить и в нем самом определенную организованность, системность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика. М., 1979.
2. Дополнения к словарю русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби / Под ред. О. И. Блиновой, В. В. Палагиной. Томск, 1975. Ч. 1-2.
3. Колесников Н. П. Парономазия как стилистическая фигура // Русский язык в школе. 1973. № 3.
4. Николаева Т. М. Новое направление в изучении спонтанной речи (о так называемых речевых колебаниях) // Вопросы языкознания. 1970. № 3.

5. *Русские говоры Среднего Приобья* / Под ред. В. В. Палагиной. Томск, 1985. Ч. 1.

6. *Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья* / Под ред. О. И. Блиновой. Томск, 1977.

7. *Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби: В 3 т.* / Под ред. В. В. Палагиной. Томск, 1967. Т. 3.

8. *Среднеобский словарь: В 2 т.* / Под ред. В. В. Палагиной. Томск, 1983—1986. Ч. 2.

9. Янко-Триницкая Н. А. К изучению паронимов // *Русский язык в школе*. 1979. № 5.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1993

Л. А. ХАЧАТУРОВА
Самаркандский пединститут

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ЗООНИМОВ

Исследуется взаимодействие словообразования, теории номинации и речевой деятельности на материале русских зоонимов, выделяются словообразовательные разряды зоонимов.

Одним из неотъемлемых компонентов смысла слова, наряду с лексическим, словообразовательным и грамматическим значениями, является его внутренняя форма (ВФ), в которой выражается не только «толкование действительности», но и ее оценка [3].

Проблема ВФ слова рассматривалась в фундаментальных работах немецких языковедов В. Гумбольдта и Г. Пауля, русского ученого А. А. Потебни и др.; нашла освещение в трудах советских лингвистов А. М. Пешковского, В. В. Виноградова; наблюдения, сообщения и выводы, касающиеся этого вопроса, содержатся в общих и специальных исследованиях Е. А. Земской, О. П. Ермаковой, О. И. Блиновой, Л. А. Новикова, А. И. Моисеева, Т. Р. Кияка, Б. А. Плотникова, В. Г. Гака¹.

Первая концепция ВФ принадлежит Гумбольдту [5]. Через сравнение разных языков, в которых, как правило, степень и характер мотивированности грамматических и лексических значений не совпадают, он приходит к раскрытию ВФ как способа отражения внешней действительности в формах языка. Гумбольдтовское учение о ВФ основывается на различии, во-первых, внешней и внутренней формы, под которыми имеются в виду звуковая и внутренняя формы не слова, а языка в целом, а также на различии не только ВФ языка в целом,

¹ Представление о ВФ слова как объекте исследования претерпело сложную эволюцию. Традиционное использование понятия ВФ слова восходит к античной философии (Платон, Плотин), философии арабского мира (VIII—XII вв.). Термин широко распространен в литературоведении.